

ВЫСОКАЯ ПОРОДА

Мастера сцены. Елена Гоголева. Редакция научно-популярных и образовательных передач ТВ. Редактор К. Строилова. Режиссер В. Ежов. 1990.

Седая (не могу сказать — старая, хотя ей 90 лет) женщина с прекрасным и строгим лицом вспоминала: «Захотелось еще раз пройти свою жизнь». Ясная, точная речь, богатство подробностей, подсказанных живой памятью чувства, — так, будто все это было вчера. Вокруг подмосковный летний пейзаж, скромное убранство дачи, свет, воздух, покой и тихая, непоказная печаль. Печаль, видимо, не о себе, а о том, что жизнь радовать перестала: уходит культура, и театр, средоточие мира, стал на себя непохож — свой, на всю жизнь единственный, Малый театр. Об этом без гневного пафоса, столь приевшегося сегодня, без ворчанья на молодежь и новые нравы. О новом же сказано просто: «Я многого не понимаю в новой жизни, в новой живописи. Новая эпоха, новые требования, новые вкусы, новые люди...».

Новая эпоха, однако, Гоголеву со всем тем, что стоит за ней, не отменит — напротив, повысит в цене. На телевидении это поняли и предложили нам редкое — три встречи с Гоголевой, три беседы, снятые без особых монтажных хитросплетений, в благородной манере классического ТВ.

Первое, острое впечатление: постоянство и новизна; тот же — и иной человек. Прежде — знойная красота, открытая театральность манер и тона. Теперь все сдержаннее и тоньше — в ролях и в жизни. Легче скупые средства; рисунок — оттенком, штрихом; все меньше внешнего; все глубже подтекст. Словно что-то менялось в ней или вызревало, проявляясь с годами. «Высокая порода», — скажет о ней в передаче Е. Весник.

Это слово редко встречалось в нашем былом лексиконе — в нем слышалось нечто социальное, даже классово чуждое. На первый, поверхностный, взгляд, порода в том, кого играет Гоголева, что предписано ее актерской фактурой — в барынях, которых множество в передаче. Они царственны, значительны, великопелены и непохожи друг на друга, ибо не бырины только, но прежде всего люди, женщины, разные женщины. Хозяйка жизни, властная и вальяжная Хлестова в «Горе от ума». Барыня в «Грозе» — не сумасшедшая, скорее — вешунья, почти шекспировский образ. Строгая, вне характеристики и быта, Графиня в «Пиковой даме», образ-символ, но не мону-мент — живая.

Наименее знатна в этом ряду Мамуре, героиня незамысловатой французской комедии из рода тех, где актрисы Малого театра искали канву для собственных узоров. Игра Гоголевой — нескончаемый праздник, богатство красок и ар-

тистическая свобода. Ее героиня, вздорная и мудрая, престарелая и победоносно женственная до конца, сыграна сложно, хотя и с комедийным задором. Где-то там, в дальних и тайных уголках души, следы многих жизненных драм, о которых сказано мимоходом, с божественной французской легкостью (так же, как Гоголева говорит о своих) — и это тоже признак породы.

Порода ведь понятие не анкетное, скорее — из области психофизики. Это — душевная стать, выраженная в волне, момент редкой гармонии в человеке, укрепляющейся с годами, — как бывают прекрасны одухотворенные, породистые старики, крестьяне они, ученые или актеры! Крепость же породы, видимо, создается шлифовкой, как было то и у Гоголевой — много трудной и трудовой жизнью, а также тем «творческим воспитанием», о котором говорит в передаче Б. Львов-Анохин.

Гоголевой смолodu повезло — вступить на сцену в окружении целого сонма ее «корифеев», их нежной заботы о дебютантке и беззаветной любви к театру. Она вошла в эту атмосферу, пропиталась ею, сохранив до сих пор уникальную в наши дни беззаветность в отношении к людям и делу. «Фанатик профессии», она готова всякий раз все начинать заново, с трепетом и любопытством ожидая отзвона юных коллег.

А ее свойства — при полной мере достоинства, отсутствии «звездных» амбиций и нерасчетливая щедрость души — вновь говорят о породе.

О Малом театре Гоголева знает все. Знает секреты мастерства «корифеев», умевших без режиссуры сложить ансамбль. Знает то, что происходит сейчас с Малым театром и с театром вообще — и судит об этом горестно, строго, по праву любви. «Виноваты мы сами. Театр сегодня виноват в том, что он в таком плачевном состоянии, что он не нужен. Что нет уважения ни к актеру, ни к его искусству. Это ушло. И вернется ли!...».

Вопрос пока без ответа.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА.

Рис. Н. Лисогорского.

Департамент культуры - 1991-17. Анд. (203) - с. 11